

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-160-178>

<https://elibrary.ru/ENBHGE>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

Л.Г. Дорофеева
МОТИВ ЛЕСТВИЦЫ
В ЖИТИИ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА
(по Четьям-Минеям святителя Димитрия Ростовского)

*Статья написана при поддержке Российского научного фонда,
проект № 22-18-00005*

Аннотация: Статья посвящается изучению поэтики Жития преподобного Иоанна Лествичника по Четьям-Минеям святителя Димитрия Ростовского издания Киево-Печерской Лавры 1746 г. Рассматривается ключевой мотив лествицы, его смысловая и поэтическая функция в Житии. Анализ проводится в сопоставлении с текстом Жития первопечатного издания Лествицы 1647 г. Святитель Димитрий Ростовский обращался при составлении жития к разным источникам — греческим, славянским, латинским, при этом к двум исходным для него текстам: Краткому житию Иоанна Синайского, составленному Даниилом Раифским, и житийному повествованию некоего инока «синхрона», современника святого. Сохраняя смысл топоса лествицы Краткого жития с его главной идеей восхождения от мира «вещественного» к «невещественному», святитель Димитрий Ростовский выстраивает Житие по типу «биос», следуя хронологии, для чего делает вставки из «синхрона». Включает он в текст и собственные поясняющие и уточняющие замечания, указывает на авторство используемых им текстов, что говорит об осознанном цитировании, отделяющем *свой* текст от *чужого*. Общим выводом статьи является утверждение о смене писательского типа, новом взаимодействии писателя-агиографа с текстом, что характерно для переходной эпохи XVII–XVIII вв., об изменениях в области нарратива, о более свободном и творческом отношении к писательскому труду, стремлении к рационализации и при этом строгом следовании агиографическому канону.

Ключевые слова: древнерусская агиография, Житие Иоанна Синайского, Димитрий Ростовский, переходная эпоха, агиографическая топика, мотив лествицы.

Lyudmila G. Dorofeeva
**MOTIF OF THE LADDER IN THE VITA
OF ST. JOHN CLIMACUS
(ACCORDING TO CHETYA-MENAION
OF ST. DIMITRY OF ROSTOV)**

Acknowledgements: The article was completed with the support of the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00005.

Abstract: The article examines the poetics of the Life of St. John Climacus according to the Chetya-Menaion of St. Dimitry of Rostov published in the Kyiv Pechersk Lavra in 1746. The key motif of the ladder, its semantic and poetic functions in the Life are considered. The analysis is carried out in comparison with the text of the Life of the first printed edition of the Ladder of 1647. While compiling the Life, Saint Dimitry of Rostov turned to various sources — Greek, Slavonic and Latin, and also to two source texts for him, namely, the brief Life of John of Sinai, compiled by Daniel of Raifa and the hagiographic narrative of a certain monk “synchronous,” contemporary of the saint. Preserving the meaning of the ladder topos from the brief Life with its main idea of ascent from the world of the “material” to the “spiritual” world, St. Dimitry of Rostov structures the Life according to the “bios” type, following the chronology, for this purpose he makes insertions from the “synchronous’s” text. He also includes his own explanatory and clarifying remarks in the text, indicates the authorship of the texts he uses, which proves conscious quotation, separating his own text from the other authors’. The general conclusion of the article is the affirmation of the change of writer’s type, new interaction of the writer-hagiographer with the text, which is characteristic of the transitional epoch of the 17th – 18th centuries, as well as the changes in the narrative, a freer and more creative attitude to the writer’s work, striving for rationalization and at the same time strict adherence to the hagiographic canon.

Keywords: Old Russian hagiography, Life (Vita) of John of Sinai, Dimitry of Rostov, transitional epoch, hagiographic topic, ladder motif.

Житие преп. Иоанна Синайского, как и его труд «Лествица», относятся к знаковым явлениям в русской словесности, они объединены в одной книге, которая обладает своей историей, этапами литературного освоения. Важным этапом после многих столетий рукописного бытования этой книги стало ее первое издание в 1647 г., подготовленное Сергием Шелониным на основе его текстологических исследований [9]. На протяжении длительного периода оно было, пожалуй, самым распространенным и авторитетным в читательской среде.

В конце XVII — XVIII вв. происходят важные перемены в культурном сознании новой переходной эпохи от Средневековья к Новому времени, обусловившие изменения в литературном процессе [7; 6; 10]. Область церковной литературы в новых культурных условиях, при всей своей консервативности, не могла не испытывать влияния этих перемен. В этом плане интерес вызывает творчество святителя Дмитрия Ростовского, который создал печатные Четыи Миней с просветительской целью, проявив при этом несомненный литературный талант и новый, по сравнению с эпохой Средневековья, творческий подход к агиографическим текстам.

Исследования ученых говорят об обращении святителя Дмитрия Ростовского при составлении житий к источникам разного происхождения — греческим, славянским, латинским [4; 11; 1], которые он, компилируя, литературно обрабатывал. Этот метод он использовал и при составлении Жития Иоанна Лествичника («Житие преподобного отца нашего Иоанна Лествичника» [13]) (далее — *Житие И.Л.*), которое нас интересует в аспекте его поэтики. Оно помещено в третьей книге Четыи Миней под датой 30 марта, на которую приходится память святого. Святитель Димитрий Ростовский составлял *Житие И.Л.*, компилируя и литературно обрабатывая тексты из нескольких источников, которые были выявлены еще прот. Александром Державиным: «Житие преп. Иоанна Лествичника составлено Святителем по Acta Sanctorum. В Acta'x два жития Преподобного, — одно инока Равивского Даниила, другое — инока-“синхрона”. Святитель, пользуясь трудами этих двух агиографов, в своем повествовании *сначала дает перевод* 2 и 3 параграфов Даниилова жития, потом о преп. Иоанне и Мартирии рассказывает по “синхрону”; затем опять обращается к житию инока Даниила и заимствует у него описание духовных подвигов Иоанна; видение о Моисее и чудеса излагаются снова по “синхрону”, а в описании кончины Преподобного заметно влияние того и другого источника» [1, с. 120]. В этих условиях соединения разных текстов в пространстве одного жития важно посмотреть, в какую меру сохраняется смысловое наполнение характерных для этого типа житий агиографических топосов, и в частности их смысл, выявленный нами ранее на материале Краткого жития преподобного Иоанна Синайского, составленного монахом Даниилом Раифским (далее — *Краткое житие*) [2]. Мы остановимся на одном, главном для данного Жития

мотиве лестницы, который в *Кратком житии* является ключевым в сюжетном развитии произведения, участвуя в смыслообразовании.

Сюжет в любой версии *Краткого жития*, как это мы наглядно видели на примере старопечатного издания 1647 г., выстраивается прежде всего как *внутренний*, отражающий духовный путь святого, его борьбу со страстями и обретение добродетелей, что связывает житие с творением прп. Иоанна Синайского «Лествица», которая, по выражению Т.Г. Поповой, «представляет собой метафорическую панораму восхождения по лестнице добродетелей, на вершине которой стоит Бог» [8, с. 292]. При этом внешний сюжет, построенный на хронологии и пространственных топосах, предельно «свернут». Топос лестницы реализуется в *Кратком житии* в соответствии с принципом иконичности¹, при этом не в непосредственном его лексическом выражении, а в образах-топосах *слова, книги, «скрижалей»*, которые являются самым «прямым» из имеющихся в тексте его обозначений, если не считать названия², а также в логике духовного пути святого, выраженного в топосах *побеждения страстей* и достижения *добродетелей*.

Что же происходит с этим ключевым для монашеского типа житий и особо значимым, определяющим содержание подвига и главное дело святого Иоанна Синайского мотивом в Житии преподобного Иоанна Лествичника в Четьи-Минейной версии святителя Димитрия Ростовского?

Структура *Жития И.Л.* отличается от панегирического по своему типу *Краткого жития*, составленного Даниилом Раифским и размещенного в книге «Лествица». Святитель Димитрий Ростовский для восстановления хронологии и большей полноты в изложении жизненного пути соединяет два текста: *Краткое житие*, написанное Даниилом Раифским, и житийный текст некоего монаха «синхронна» — современника святого Иоанна Синайского, выстраивая таким

¹ Термин введен В. Лепахиним и связывается им с понятием агиографического канона: «Агиографический канон хранит иконичность жития, его способность быть *словесной иконой* святого, а не его *биографией*» (курсив автора. — Л.Г.) [5, с. 263].

² В большинстве версий славянских переводов в названии есть слова «Лествица» и «Лествичник» [14], но, вероятнее всего, они внесены уже составителями книги, переводчиками и не относятся к авторству Даниила Раифского.

образом повествование как *биографическое житие* («биос»). Помимо структурных изменений, меняется также в *Житии И.Л.* и повествовательная манера, включающая уже комментарий святителя Димитрия Ростовского в виде вставок в скобках для уточнения источника приводимого текста, что мы покажем ниже. Проследим поэтапно реализацию ключевого мотива лестницы в *Житии И.Л.*

В заглавии святой назван *Лествичником*, как и в большинстве версий *Краткого жития*, что свидетельствует об устоявшейся традиции в русском церковном сознании, связавшем святого Иоанна Синайского с его творением. И само имя в названии пусть не прямо, но указывает на роль этой книги в житии.

Во вступлении сохраняется организация пространства, созданная Даниилом Раифским: сразу обозначены земные «страна и градъ» или *земное, «вещественное»* пространство, о котором точно поведать автор не может, и *Небесное Царство*, также «неизвестное» место, но точно называемое и характеризующееся как «*невещественное*» пространство. Здесь агиограф задается мыслью о духовной лестнице, по которой святой будет подниматься от земли к Небу, ее идея уже звучит в выше цитированном ранее риторическом вопросе при переходе к сюжетной части, повествующей о подвигах: «Како же невещественнаго ради онаго бл(а)женства въ вещественномъ трудися тѣлѣ, повемѣ явѣ» [13, л. 168 об.]. Это слово «как» и будет разворачиваться в описание трудов и подвигов святого по *восхождению от земли к небу*.

Начало сюжетного повествования включает топосы *ухода от мира, вступления в монашество* и продолжает развитие оппозиции «земное/небесное»: гора синайская — для тела, гора небесная — для души. Отметим: на протяжении небольшого отрывка несколько раз повторяются слова «гора», «высота» в неизменной оппозиции: «высота горская» / «высота небесная». И далее повествование о первых девятнадцати годах ученичества, когда преподобный Иоанн был в послушании у учителя, вплоть до момента смерти старца, сохраняет содержание и ключевые топосы Даниила Раифского, передавая логику духовной борьбы, которая соответствует ступеням Лествицы, о чем мы уже писали в связи с анализом топоса лестницы в *Кратком житии* [3]. Но далее в тексте *Жития И.Л.* следует первая вставка из «синхрона», посвященная пророчествам синайских старцев о будущем игуменстве святого Иоанна, в которой нет никаких напоминаний

или мыслей, связанных с идеей и мотивом лестницы, что, прерывая на короткое время с ней связь, при этом усиливает биографическую линию повествования.

Вторая часть *Жития И.Л.*, посвященная описанию подвигов второго этапа его монашеского служения святого — сорокалетнего пустынножительства, — восстанавливает связь с идеей духовной лестницы, что выражено в описании духовных подвигов святого Иоанна — борьбы со страстями: «мало же зѣло вкушаючи госпожу и родительницу сластолюбивыхъ страстей, юже есть *обядение, воздержаниемъ* печалаше...» [13, л. 169 об.], «леностную праздность души сущую повседневную смерть и разслабу памятию телесныя смерти, аки остномъ бодуци, на бодорсть и трудъ возстави. сети и узы... чувственныхъ вожделѣний *плачем* растерза и разреши. *гнѣва* же страсть в немъ еще прежде оуморена бѣ оружиемъ *послушания*» [13, л. 169 об.], и т. д. Последовательность этой духовной борьбы находится в логике духовного восхождения по ступеням добродетелей при неизменности принципа иконичности, так как повествуется о подвигах святого, *уже* достигшего Горнего мира, в пространстве которого он пребывает, о чем было сказано агиографом сразу во вступлении. Описание же второго этапа монашеского пути святого Иоанна — пустынножительства — нацелено на рассказ о его аскетических подвигах и о достижении святости. Заметим, что образ лестницы и его лексическое выражение появляется уже *после* победы над самым главным грехом, *гордыней*, борьбу с которой подвижник лишь начинает послушанием, но завершает ее победой Сам Господь, причем только тогда, когда святой достигает «крайней чистоты сердечной»: «что же реку [глаголетъ монахъ Данииль] о побѣждении гордыни; что о крайнѣй чистотѣ сердечнѣй, юже новый той Веселеиль нача послушаниемъ, соверши же своимъ присутствиемъ Г(оспо)дь небесного Иер(уса)лима Ц(а)рь, без того бо присутствия никогдаже прогоняется диаволь и его сообразное полчище» [13, л. 169 об.]. Святой Димитрий Ростовский, говоря о пещере в местечке Фола, сохраняет из *Краткого жития*, текста Даниила Раифского, описание того, какие усилия прилагает святой к достижению «чистоты сердечной», являющейся условием вселения в сердце Самого Бога. В этой пещере святой, «близъ же н(е)б(е)си суци» [13, л. 169 об.], удалившись от тщеславия, радостотворным *плачем*, «воплями рыдании и призывании Б(о)га н(е)б(е)с досязаше»

[13, л. 169 об.], лишением себя сна ровно настолько, чтобы «оумнаго существа бдѣниемъ не погубити» [13, л. 169 об.], достиг истинного смирения. Обратим внимание на то, что слово «*книги*» появляется уже после достижения святым «истинного смирения», и помещено оно вслед за приведенной цитатой об «уме», который святой не желал погубить чрезмерным бдением: «Много же прежде спания моляшеся, и книги составляше» [13, л. 169 об.]. Здесь слову «книги» святитель Димитрий Ростовский дает пояснение, сделанное им в квадратных скобках, куда он вводит и ее название, и имя святого в связи с этим названием: «[якоже составил книгу Лѣствица нареченную, еже ради и сам послѣжде Лѣствичникомъ прозванъ естъ]» [13, л. 169 об.], что согласуется с названием жития и конкретизирует содержание главного подвига святого — написания книги «Лествица». Мотив *книги*, заметим, достаточно часто встречается в монашеских и святительских житиях (например, Авраамия Смоленского, Сергия Радонежского и составителя его жития Епифания Премудрого, Нила Сорского и др.), и его можно считать устойчивым агиографическим мотивом, выражающим идею мудрости святого, служения словом, просвещения. Здесь же топоним *книги* несет еще и смысл аскетического упражнения, духовного делания в борьбе с унынием: «се бо бѣ ему уныния прогнание, еже писати книги»³ [13, л. 169 об.]. Уныние же, по Лествичнику, сопровождает прежде всего отшельников: «мужу, пребывающему в безмолвии, оно всегдашний сожитель, прежде смерти оно от него не отступит, и до кончины его на всякий день будет бороться его. Увидев келлию отшельника, (уныние) улыбается, и приблизившись к нему, вселяется подле него» [15, с. 103]. В своем творении Лествичник пишет о том, что «из всех восьми предводителей злобы дух уныния есть тягчайший» [15, с. 104]. На это тем более важно указать, что борется с этим духом святой *написанием книг*, которое есть работа *ума* при *чистоте сердечной* в *сотворчестве* с Царем Небесного Иерусалима, о чем говорят и следующие строки *Жития И.Л.*: «Все же жития его течение бѣ молитва непрестанная, и к Б(о)гу желание насытно: того

³ Заметим, что здесь, как и по всему тексту *Жития И.Л.*, вставляется уточнение, разъяснение в словах «еже писати книги», которых нет в других версиях славянских переводов жития [14]. Ср.: Лествица. 1647. Стих 11 (аѣ). Л. 8 об. (ѣ) «се бо бѣ емоу точію оунынїа вбротѣнїе» [14].

бо нощию и днемъ въ свѣтлѣйшемъ душевныя чистоты зеркалѣ оумомъ зря, насытитися не можаше» [13, л. 169 об.].

Следующие два эпизода о чуде *спасения молитвой* Моисея, ученика преп. Иоанна, от смерти, и «брата Исаакія» от блудной страсти доказывают достижение святым духовного совершенства и благодатных даров, дающихся только человеку смиренному, и внутренне они соединены с топосом «слова». Дар написания *книг* связан с даром *молитвы*, которое есть *действие словом*. Спасение Моисея, по описанию в *Житии И.Л.*, совершено было *молитвенным словом*: преподобный сидел в келии «с Б(о)гомысленною молитвою», и в тонком сне увидел «священнолѣпна мужа», который его предупреждает об опасности для его ученика. «Иоаннъ же с(вя)тый абие воспрянувъ теплоу о оученицѣ своемъ *молитвою вооружися*» [13, л. 170]. Также и Исаакія исцеляет святой словом: «*Совершаюшымся же молитвеннымъ словесамъ... Б(о)гъ оугодника своего волю творяше, да покажетъ не лгуца Д(а)в(и)да: Волю [рече] боящихся его сотворить, и молитву ихъ оуслышитъ*» [13, л. 170].

Таким образом, святитель Димитрий Ростовский в *Житии И.Л.* сохраняет мысль Даниила Раифского о том, что написание книг связано прежде всего с аскезой святого, с этапом побеждения страстей и достижения святым благодатных даров, одним из которых и является *слово*. Особенность же заключается в способе изложения данного эпизода из *Краткого жития*, который насыщается ремарками, словесными конструкциями, уточняющими и проясняющими смысл приводимого текста. Вставка «еже писати книги» (в цитате «се бо бѣ ему уныния прогнание, *еже писати книги*»), слово «рече» в квадратных скобках («Волю [рече] боящихся его сотворить...») и другие приемы уточнения явно сделаны для читателя с целью помочь понять смысл написанного, что указывает на собственно *авторскую* интенцию составителя Четых Минея, характерную для литературы начала XVIII в., уже вступающую в эпоху «рационалистического мышления нового времени» [10, с. 410].

В плане развития мотива *слова* интересен эпизод с «завистниками», которые «полезного сего оучителя Иоанна преподобнаго нарицаху присноглаголива и лжива» [13, л. 170], тем самым направив острие своих упреков именно против его дара *слова*. Тогда святой «самымъ деломъ показа, яко вся [“не точию словомъ но и молчаниемъ пользо-

вати”] может о оукрепляющемъ всехъ Христе» [13, л. 170–170 об.]. Соединение молчания со словом молитвы делает молчание *словесным*. Это также особое духовное делание, известное в православной аскетике как *исихия*⁴, которое не означает отказа от слова как такового; слово становится внутренним, молитвенным⁵, соединяя человека с Богом и совершая чудо преображения мира: «оумолча бо цѣлый годъ, отнюдь никоегоже провѣщевая словесе, дондеже оукорителей своихъ сотвори себе молебниковъ» [13, л. 170 об.]. В результате «укорители», не желая заграждать источник пользы и лишитъ всех спасения, пришли молить святого, «да паки Б(о)гоглаголивая своя отверзет уста» [13, л. 170 об.]. В этой цитате мы видим уточняющую вставку, отсутствующую в славянских версиях перевода, усиливающую значение молчания и даже поясняющую, *как* он молчал в течение года: «отнюдь никоегоже провѣщевая словесе», т. е. святой *не произносил ни одного слова*, что конкретизирует смысл именно *внешней* речи. При этом созданная Даниилом Раифским метафора — «источникъ пользы приснотекущий» — сохраняется и в четырёхминейном тексте, выражая идею благодатного живого слова, ведущего к спасению, а уста святого являются «Богоглаголивыми», что говорит о синергичной природе слова преподобного Иоанна и, соответственно, слов его книжного творения — Лествицы.

Не случайно также и возведение на игуменство совершается после рассматриваемого эпизода, отражающего теперь всеобщую убежденность в благодатной силе слов святого. Преподобный Иоанн называется «новоявленным неким Моисеем» («яко новоявленнаго нѣкоего Моисеа нуждею на старѣйшинство киновии возведоша» [13, л. 170 об.]) и тем самым уподобляется библейскому пророку Моисею. Как известно, образ пророка Моисея связан со Словом Божиим — Скрижалями Завета. Это сравнение и вводит здесь имплицитно слово «скрижали», которое произносится агиографом далее в связи с образом преподобного Иоанна Лествичника. Так, *топос возведения святого*

⁴ Исихия — от греч. hesychia — покой, тишина, молчание.

⁵ Исихия соединяет подвиг уединения и безмолвия, в котором слово имеет особо важное значение. Приведем слова аввы Аммона из Алфавитного патерика, обращенные к старцу, желающему внешних аскетических подвигов: «Сиди в своей келье, ешь понемногу каждый день и всегда *имей в сердце своем слово* мытаря, — и можешь спастись» [12, с. 68].

на игуменство и уподобление пастыря пророку Моисею оказывается связанным с топосом книги (слова, скрижалей) и с топосом светильника на подсвечнике — аллюзией к евангельской цитате: «ниже вжигают светильника, и поставляют под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине. Тако да просветится свет ваш пред человеки» (Мф. 5: 15–16). Символика света в образе святого оказывается неразрывно связанной с даром слова, просвещающего мир. Причем, идя практически вслед за текстом Даниила Раифского — *Краткого жития* — в выражении топоса светильника, святитель Димитрий Ростовский предлагает вариант перевода, усиливающего идею светочности образа святого, для чего трижды повторяются слова с корнем «свет»: «свѣтлое то свѣтило на начальственнѣйшемъ свѣщницѣ поставляюще» [13, л. 170 об.]. И это произносится буквально рядом со звучащим в следующем предложении словом «мрак», который также оказывается связанным с топосом слова и уже непосредственно с мотивом лестницы как символом духовного восхождения монаха на Небесную Гору (топос Царства Небесного), а также и с книгой «Лествица»: «Онъ же и нехотящъ игуменство Синайскаго горы приемши ближае къ горе Б(о)жией д(у)хомъ приступи, и в нѣзаходимый мракъ [недовѣдѣнныя Б(о)га] вшедши Б(о)гомышленни, и оумными на лѣствицу н(е)б(е)сную возведшися степенми, перстомъ Б(о)жиимъ [на скрижалѣ с(е)р(д)ца] написанный прия законъ. и слову Б(о)жию отверзе своя оуста, и привлече Д(у)хъ. и от бл(а)гаго сокровища свердца своего отрыгнуль словеса бл(а)гая» [13, л. 170 об.].

Место этого отрывка в *Житии И.Л.*, как и в *Кратком житии*, на наш взгляд, является определяющим главный смысл подвига святого — это та вершина, которой достиг он в своем духовном восхождении. И здесь сошлось все: гора Синайская и игуменство, Гора Божия, в «мрак» которой духом входит святой, и «скрижали сердца» (вставка, сделанная святителем Димитрием Ростовским в приводимый им текст Даниила Раифского), слово Божие, которому святой «открыл свои уста» и привлек Дух как «сокровище благое», и уже из этого сокровища святой износит слова благие. Фактически здесь описано рождение синергийного слова, его благодатная природа.

Сопоставление с данным эпизодом *Краткого жития* издания 1647 г. подтверждает, во-первых, неизменность агиографического канона в содержательно-структурном плане и, во-вторых, изменения

типа писательского сознания, характерные для литературной эпохи конца XVII — начала XVIII в. В данном случае мы наблюдаем в Четьи-Минейном *Житии И.Л.* изменения в самом отношении агиографа к тексту и некоторые перемены в типе повествования. Святитель Димитрий Ростовский при сохранении коннотаций ключевых топосов и образов *Краткого жития*, вносит логицирующие текст вставки, пояснения, слова. Так, в данном, важнейшем в смысловом отношении отрывке, соединяющем ключевые топосы жития, мы видим следующие поясняющие вставки: «[недовѣдѣния Б(о)га]» — для усиления идеи непостижимости Бога; «на лѣствицу н(е)б(ес)ную» — как метафоры внутреннего, духовного восхождения святого; «перстомъ Б(о)жиимъ [на скрижалѣ с(е)р(д)ца] написанъ приа законъ» — для пояснения мысли об источнике слов святого. Таким образом подчеркивается, что прежде закон пишется на «скрижалях сердца», а потом святой создаст «скрижали духовные» — книгу «Лествица».

Далее, после столь глубокого, вдохновенного, в стиле высокой риторики написанного отрывка, посвященного рождению Богодухновенного слова у святого, святитель Димитрий Ростовский вставляет отрывок из жития «синхрона», который посвящен топосу игуменства и нацелен на раскрытие святости преп. Иоанна. Развивая этот топос, говоря об уже *святом* игумене Синайском Иоанне, он включает в житийное повествование чудо посещения пророком Моисеем монастыря и прислуживания им братии во время монастырской трапезы, что призвано указать на духовную связь святого Иоанна и пророка Моисея. Образ этого святого пророка незримо присутствует на протяжении всего повествования, начиная с именованя места служения святого — горы Синай. И не случайно появление его зримого описания в логике повествования, свойственной святителю Димитрию Ростовскому, который таким образом соединяет видимое и невидимое, горний и дольний миры, описывая явление *невещественного* в *вещественном*. Подтверждение тому — слова прп. Иоанна к братии, искавшей повсюду неведомого юношу: «оставити искати того, с(вя)тый бо Моисей [пророкъ и законодавецъ] в своемъ мѣстѣ послужилъ» [13, л. 170 об.]. Конечно, топос лествицы здесь не представлен явно, хотя, как мы уже указывали выше, с образом пророка Моисея имплицитно связан образ *скрижалей* («Скрижали Завета»), указывающий на книгу Лествичника «Лествица», одним из названий которой

является «Скрижали духовные». Второе чудо в данном включении, изложенном по житию «синхрона», — низведение дождя молитвой во время засухи — также выражает идею синергичности слова святого, выраженной в молитве. И все же эта вставка о Моисее не направлена непосредственно на развитие топоса лестницы, сохраняя внутреннюю связь с предыдущим топосом *возведения святого в игумены*. Приводимый же далее в *Житии И.Л.* последующий текст *Краткого жития* Даниила Раифского продолжает тему пророка Моисея, но уже по-иному — сопоставляя его с святым Иоанном Синайским, который достиг Горнего Иерусалима душой, в то время как Моисей в земной Иерусалим не смог войти телом. Здесь заключается важная мысль в отношении к мотиву Лестницы, смысл которого — возведение монаха к Небесному Царству, Горнему Иерусалиму. Само противопоставление пророка Моисея и преподобного Иоанна в *Житии* носит антиномичный характер: Моисей из Горнего Иерусалима навещал на Синайской горе монастырскую трапезу, и восхождение святого Иоанна завершилось несомненной их встречей в мире Горнем, что для агиографа само собой разумеется. В повествовании Даниила Раифского последовательно и неуклонно проводится линия соединения в образе святого *телесного* и *небесного*: по мере победы над страстями и обретения добродетелями происходит его обожение, и в конце предстает перед читателем «небесный ангел», или «земной человек». И эту идею обожения сохранил и передал святитель Димитрий Ростовский в своем изложении *Жития Иоанна Лествичника*, komponуя два разных житийных текста. Об этом и свидетельствует финальная часть, которая представляет собой объединение последнего агиографического сюжетно-композиционного топоса *преставления святого* из двух житий — Даниила Раифского и «синхрона». Нельзя не заметить разницу в нарративе этих двух текстов. Объединены они тематически, последовательно встроены в повествование с точки зрения хронологии и логики монашеского типа жития «биос». Но при этом текст *Жития И.Л.* святителя Димитрия Ростовского воспринимается как имеющий два *разных* по смысловой функции финала, относящихся к одному топосу. Первый финал, из *Краткого жития* Даниила Раифского, сосредоточен на идее Горнего Иерусалима, куда святой Иоанн «на скончание временнаго сего жития прииде» [13, л. 170 об.], в отличие от пророка Моисея, не достигшего земного Иерусалима, о чем мы выше сказали.

Следующая мысль Даниила Раифского, которую передает святитель Димитрий Ростовский (на то, что это не его слова, он сам указывает вставкой: «[гл(агол)еть Данииль монахъ]» [13, л. 170 об.]), заключается в утверждении факта святости преподобного Иоанна Синайского, для чего нужны свидетельства, и их приводит агиограф: «о с(вя)тыни же Иоанна пр(е)п(одо)бнаго [гл(агол)еть Данииль монахъ] свидѣтельствуютъ мнози, изряднѣе же тии, иже Б(о)год(у)хновенными его словесы бывше наставляемми спасошася, и ныне спасаются» [13, л. 170 об.]. Обратим внимание на это свидетельство о святости, относящееся к *мотиву лестницы*, — спасаются многие через *чтение «Богодуховенных словес»*, им написанных (а не только сказанных), так как слово «и ныне» означает время, которое воспринимается как современное читателю, независимо от века, которому читатель принадлежит. Следующий свидетель — некий «Давид юный»: «свидѣтельствуеть Д(а)в(и)дъ юный мужъ изрядный, премудрость премудраго [Иоанна] наслѣдствовавый» [13, л. 170 об. – 171], о котором в старопечатном издании не говорится, но о нем есть упоминание в ряде версий славянских переводов [14], а также в Оптинской версии с комментарием: «*Полагают, что новым Давидом назван здесь вышеупомянутый Исаакий» [15, с. IV]. Этот «новый Давид» свидетельствует о «премудрости премудраго [Иоанна]» тем, что он ее наследствовал⁶. Но особую важность для мотива лестницы обретает третье свидетельство, приводимое монахом Даниилом и присутствующее во многих версиях славянских переводов [14]. Вот как оно представлено в *Житии И.Л.* святителем Димитрием Ростовским: «свидѣтельствуеть же и пр(е)п(одо)бнѣйший Иоаннъ [игумень Раифский] добрый наш пастырь, от негоже оумалень бывъ оный пр(е)п(одо)бнѣйший Иоанн [Лѣствичникъ] от горы Синайска къ намъ, яко новый Боговидецъ сниде, и показа намъ своя Б(о)гописанныя скрижали, [книги Лѣвица нарицаемая] въ нихже зримая писмена труду поучають, сила же в сложенныхъ писменахъ разумеваемая на Б(о)говидѣнныя наставляеть» [13, л. 171]. Конечно, уточнения в квадратных скобках о том, что «Богописанные скрижали» — это творение преподобного Иоанна под

⁶ Оптинская версия предлагает такой перевод этой фразы: Превосходным свидетелем премудрости сего премудрого и подаваемого им спасения был новый оный Давид [15, с. VIII].

названием «Лѣствица» и что сам святой — «Лѣствичникъ» — сделаны святителем Димитрием Ростовским⁷, который, как мы уже указывали выше, относится к тексту не как к *своему*, но как к принадлежащему другому автору. Он, компилируя тексты из разных источников, излагает их с уточнениями и дополнениями, фактически цитируя. При этом сохраняется смысловая доминанта повествования, реализуемая в топосе лестницы как Богописанных скрижалей, соединенного с топосом Горы Синайской, теперь уже эонотопосом⁸, поскольку, как и образ святого Иоанна, на этой горе подвигающегося, объединяет в себе земное и небесное, время и вечность. Мыслями преподобный Иоанн «сходит с горы» по послушанию игумену Иоанну Раифскому и, будучи сам Боговидцем, наставляет на Боговидение читателей в «сложенныхъ писменахъ» [13, л. 171].

Отметим отличие финалов Даниила Раифского *Краткого жития* и *Жития И.Л.* святителя Димитрия Ростовского. Топос Лестницы становится в *Кратком житии* кульминацией в изображении подвига святого и его образа, и одновременно завершением житийного повествования, объединившего топосы: *преставления святого, уподобления пророку Моисею, вхождения в Горний Иерусалим и лестницы*. Фактически мотив лестницы организует финальную часть *Краткого жития*.

В *Житии И.Л.* святитель Димитрий Ростовский после приведенного им финала *Краткого жития* помещает последнюю, третью, вставку из «синхрона», которая традиционно, в соответствии с агиографической «схемой», и должна завершать монашеское житие: сюжет о преставлении святого и его последнем разговоре с братом по плоти

⁷ Это указание и само слово «Лествица» в финальной части отсутствуют во всех представленных Т.Г. Поповой версиях славянских переводов, включая издание 1647 г. [14]. Оно есть в переводе Д.Р. Ульянинского, относящегося к концу XVIII в. (1785) и, вероятно, либо испытывает влияние Четых Миней святителя Димитрия Ростовского, либо восходит к другому источнику, в котором есть указание на Лествичника и Лествицу.

⁸ В. Лепяхин предлагает термин эонотопос: «Чтобы обозначить особенности понимания и изображения времени и пространства в Православии и древнерусской литературе, можно было бы говорить просто о “сакральном хронотопе”, но такое словосочетание не выражает суть явления, поэтому мы предложили термин эонотопос (от греч. эон — вечность, век и топос — место, местность, область, страна, пространство)» [5, с. 291].

аввой Георгием. В этой прощальной беседе в ответ на высказанное аввой Георгием нежелание оставаться одному, без брата, игуменом Синайским, прп. Иоанн предсказывает ему скорую кончину, что и совершается по прошествии десяти месяцев с момента преставления святого. Здесь уже нет мотива лестницы, не вспоминается и книга Лествичника. Главным является мотив братства (также агиографический топос) и мотив чуда, указывающий на причастность святого Иоанна Горнему миру. Здесь есть также мотивы молитвы — дара святому и одновременно смирения, о чем свидетельствуют слова святого Иоанна брату авве Георгию: «отвеща ему авва Иоаннъ с(вя)тый: не плачи, ни тужи, аще бо дерзновение обрящу от Б(о)га, не пожду, да лѣто сие здѣ совершиши, но оумолю Г(оспо)да, и пойму тя ко мнѣ, и бысть то» [13, л. 171]. Финальным же в *Житии И.Л.* становится топос *посмертной жизни святого в раю*, отсылающий к началу жития: через десять месяцев авва Георгий «отыде къ Б(о)гу предстояти ему вкупѣ с братомъ своимъ пр(е)п(одо)бнымъ Иоанномъ въ славѣ с(вя)тыхъ» [13, л. 171] (ср: во вступлении «Въ той бо нынѣ онъ обрѣтается странѣ, о нейже велегласный славий Павелъ с(вя)тый вопиеть: наше житие на н(е)бесѣхъ есть...», и там же о святом: «наслѣдствуя н(е)б(ес)ное ц(а)р(с)тво со оными, ихже прочее нога ста на правотѣ» [13, л. 168 об.]).

Таким образом, святитель Димитрий Ростовский завершает житие топосом Царствия Небесного. Он путем творческой компиляции создает Житие святого Иоанна Лествичника по типу «биос». В структуре этого жития сохраняется мотив лестницы как сюжетный и один из ключевых; более того, акцентируется внимание читателя на связи мотива лестницы как внутреннего пути — восхождения святого от «вещественного» мира к «невещественному» — с его творением, книгой «Лествица», которая определяется как «Богописанные скрижали», что соединяет образ преподобного Иоанна с образом пророка Моисея.

Несомненно, труд святителя Димитрия Ростовского по созданию Четьех Минея связан эпохой конца XVII — начала XVIII в., соответствует культурным процессам переходной эпохи и новым литературным тенденциям, отражает происходящее в литературе изменение принципа отношения писателя к *чужому* и *своему* тексту, ставшего более свободным и творческим, что проявилось в *Житии И.Л.* В нем обнаруживаются новые формы взаимодействия писателя с текстом,

изменения в области нарратива, усиление рационального начала, выразившееся в стремлении логичного структурирования текста, причем в соответствии с жанровой «схемой» агиографического типа монашеского жития — «биос». При этом, конечно, *Житие И.Л.* остается в пространстве Церковного Предания. А Предание, как известно, исторично и предполагает обновление форм, в которых возможно восприятие читателем вечных смыслов, к ним же относится и святость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Александр Державин, прот.* Четии-Минеи Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. Ч. 2 // Богословские труды. 1976. Вып. 16. С. 46–141.
- 2 *Дорофеева Л.Г.* Агиографическая топика в житии Иоанна Синайского (на материале старопечатного издания Лествицы 1647 г.) // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 106–124. DOI: 10.54770/20729316-2022-3-106
- 3 *Дорофеева Л.Г.* Топос лествицы в житии Иоанна Синайского (на материале Оптинского перевода лествицы) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 312–328. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-312-328>
- 4 *Круминг А.А.* Четьи Минеи святого Димитрия Ростовского: Очерк истории издания // Филевские чтения. М.: Соратник, 1994. Вып. 9: Святой Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы / под ред. Л.А. Янковской. С. 5–52.
- 5 *Лепяхин В.В.* Икона и иконичность. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Успенское подворье Оптиной Пустыни, 2002. 400 с.
- 6 *Лихачев Д.С.* В чем суть различий между древней и новой русской литературой // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 170–186.
- 7 *Панченко А.М.* Переход от древней русской литературы к новой // *Панченко А.М.* Русская история и культура: работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 297–318.
- 8 *Попова Т.Г.* Образ огня в Лествице Иоанна Синайского // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 292–311. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-292-311>
- 9 *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с.
- 10 *Ужанков А.Н.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2011. 512 с.

- 11 Федотова М.А. К истории Четых Миней Димитрия Ростовского: рукописные материалы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 12. С. 123–133.

Источники

- 12 Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М.: Сретенский монастырь, 2009. 415 с. (Серия «Патерик»)
- 13 Житие преподобного отца нашего Иоанна Лествичника // *Свт. Димитрий Ростовский. Жития святых. Книга третья. Март, апрель, май. Киево-Печерская Лавра, 1764. Л. 168 об. – 171 об.*
- 14 Агиографический корпус Лествицы. Житие преп. Иоанна Лествичника (основная. Проложная и минейная версии) / Набор текстов: Т.Г. Попова. URL: <https://drive.google.com/file/d/16VouYn5YTyedf-Dy3Gz-ZZxKqnjc6Zmc/view> (дата обращения: 02.03.2024).
- 15 Преподобного отца нашего Иоанна Лествичника. Лествица. Изд-е Свято-Успенского монастыря, 1994. С. III–XI; 1–274; 1–28. (*Репринт*: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Пятое издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Собственная тип. 1898.)

REFERENCES

- 1 Aleksandr Derzhavin, prot. “Chetii-Minei Dimitriia, mitropolita Rostovskogo, kak tserkovno-istoricheskii i literaturnyi pamiatnik” [“Chetya-Menaion of St. Dimitry, Metropolitan of Rostov, as a Church-Historical and Literary Monument”]. *Bogoslovskie trudy*, part 2, no. 16, 1976, pp. 46–141. (In Russian)
- 2 Dorofeeva, L.G. “Agiograficheskaiia topika v zhitii Ioanna Sinaiskogo (na materiale staropechatnogo izdaniia Lestvitsy 1647 G.)” [“Hagiographic Topic in the Life (Vita) of John of Sinai (on the Material of the Old Printed Edition of the Ladder of 1647)”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (62), 2022, pp. 106–124. (In Russian)
- 3 Dorofeeva, L.G. “Topos lestvitsy v zhitii Ioanna Sinayskogo (na materiale Optinskogo perevoda lestvitsy)” [“Topos of Ladder in the Life (Vita) of John the Sinai (Based on the Optina Translation of the ‘Ladder’)”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 312–328. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-312-328> (In Russian)
- 4 Kruming, A.A. “Chet’i Minei sviatogo Dimitriia Rostovskogo. Ocherk istorii izdaniia” [“Chetya-Menaion of St. Dimitry of Rostov. An Overview of the History of its Publication”]. *Filevskie chteniia*, no. 9: *Sviatoi Dimitrii, mitropolit Rostovskii: Issledovaniia i materialy [Filev’s Readings, no. 9: St. Dimitry, Metropolitan of Rostov: Research and Materials]*, ed. L.A. Iankovskaya. Moscow, Soratnik Publ., 1994, pp. 5–52. (In Russian)

- 5 Lepakhin, V.V. *Ikona i ikonichnost' [Icon and Iconicity]*. 2nd ed. rev. and comp. St. Petersburg, Uspenskoe podvor'е Optinoi Pustyni Publ., 2002. 400 p. (In Russian)
- 6 Likhachev, D.S. “V chem sut' razlichii mezhdru drevnei i novoi russkoi literaturoi” [“What Are the Differences between Old and Modern Russian Literature?”]. *Voprosy literatury*, no. 5, 1965, pp. 170–186. (In Russian)
- 7 Panchenko, A.M. “Perekhod ot drevnei russkoi literatury k novoi” [“Transition from Old Russian Literature to Modern One”]. Panchenko, A.M. *Russkaia istoriia i kul'tura, raboty raznykh let [Russian History and Culture: Works of Various Years]*. St. Petersburg, Iuna Publ., 1999, pp. 297–318. (In Russian)
- 8 Popova, T.G. “Obraz ognya v Lestvitse Ioanna Sinayskogo” [“Image of Fire in the ‘Ladder’ of John Climacus”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 292–311. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-292-311> (In Russian)
- 9 Sapozhnikova, O.S. *Russkii knizhnik XVII v. Sergey Shelonin. Redaktorskaya deyatel'nost' [Russian Writer of the 17th Century Sergey Shelonin. Editorial Activity]*. Moscow, St. Petersburg, “Alliance-Archeo” Publ., 2010. 560 p. (In Russian)
- 10 Uzhankov, A.N. *Istoricheskaia poetika drevnerusskoi slovesnosti. Genezis literaturnykh formatsii. Monografiia [Historical Poetics of Old Russian Literature. The Genesis of Literary Formations. Monograph]*. Moscow, Literaturnyi institut im. A.M. Gor'kogo Publ., 2011. 512 p. (In Russian)
- 11 Fedotova, M.A. “K istorii Chet'ikh Minei Dimitriia Rostovskogo: rukopisnye materialy” [“On the History of Chetya-Menaion of Dimitry of Rostov: Manuscript Materials”]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: History, Philology*, vol. 11, no. 12, 2012, pp. 123–133. (In Russian)

Информация об авторе: Людмила Григорьевна Дорофеева — доктор филологических наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, д. 14, 236041 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3622-8379>

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Information about the author: Lyudmila G. Dorofeeva, DSc in Philology, Assistant Professor, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevsky St., 14, 236041 Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3622-8379>

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Для цитирования: Дорофеева Л.Г. Мотив лестницы в Житии преподобного Иоанна Лествичника (по Четьям-Минеям святителя Димитрия Ростовского) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 160–178. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-160-178>

© 2024, Л.Г. Дорофеева

For citation: Dorofeeva, L.G. “Motif of the ‘Ladder’ in the Vita of St. John Climacus (According to Chetya-Menaion of St. Dimitry of Rostov.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 160–178. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-160-178>

© 2024, Lyudmila G. Dorofeeva